

© 2025. А. Д. Ивинский

Институт мировой литературы им. А. М. Горького Российской академии наук
г. Москва, Россия

Екатерина II и А. Н. Радищев: к вопросу о журнальных контекстах «Путешествия из Петербурга в Москву»

*Исследование выполнено в ИМЛИ РАН за счет гранта Российского
научного фонда № 23-18-00375, <https://rscf.ru/project/23-18-00375/>*

Аннотация: Статья посвящена анализу историко-литературных контекстов «Путешествия из Петербурга в Москву» А. Н. Радищева. Мы полагаем, что писатель надеялся найти свое место в сложно устроенной Екатериной II публичной сфере и для этого должен был продемонстрировать владение культурным и политическим языками эпохи. Чтобы этого добиться, Радищев построил свой текст как своеобразную «энциклопедию» мотивов современной ему русской литературы XVIII в., в которой едва ли не первое место заняли отсылки к периодике 1760–1780 гг., а особенно ко «Всякой всячине» и «Трутню». Мы показываем, что Радищев не стремился к цельности своего произведения, постоянно «размывал» единство текста, выстраивая сложную систему «рассказчиков». «Путешествие» могло мыслиться Радищевым как своеобразный «журнал», посвященный современной России. Именно такой новаторский, бескомпромиссный и даже «дерзкий» текст должен был, по мысли автора, привлечь внимание власти и обеспечить ему достойное место на Парнасе. В статье также анализируются причины постигшей автора катастрофы.

Ключевые слова: Екатерина II, А. Н. Радищев, «Путешествие из Петербурга в Москву», мотивы, художественное единство, рассказчик.

Информация об авторе: Александр Дмитриевич Ивинский, кандидат филологических наук, старший научный сотрудник, Институт мировой литературы им. А. М. Горького Российской академии наук, ул. Поварская, д. 25А, стр. 1, 121069 г. Москва, Россия.

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-9007-3996>

E-mail: ivinskij@gmail.com

Дата поступления статьи в редакцию: 11.02.2025

Дата одобрения статьи рецензентами: 17.03.2025

Дата публикации статьи: 25.06.2025

Для цитирования: Ивинский А. Д. Екатерина II и А. Н. Радищев: к вопросу о журнальных контекстах «Путешествия из Петербурга в Москву» // Два века русской классики. 2025. Т. 7, № 2. С. 18–37. <https://doi.org/10.22455/2686-7494-2025-7-2-18-37>

This is an open access article
distributed under the Creative
Commons Attribution
4.0 International (CC BY 4.0)

Dva veka russkoi klassiki,
vol. 7, no. 2, 2025, pp. 18–37. ISSN 2686-7494
Two centuries of the Russian classics,
vol. 7, no. 2, 2025, pp. 18–37. ISSN 2686-7494

Research Article

© 2025. Alexander D. Ivinskiy

A. M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences
Moscow, Russia

Catherine II and A. N. Radishchev: On the Journal Contexts of *Journey from St. Petersburg to Moscow*

Acknowledgments: This work was carried out at IWL RAS with financial support of the Russian Science Foundation, project no. 23-18-00375 (<https://rscf.ru/project/23-18-00375>).

Abstract: The article is devoted to the analysis of the historical and literary contexts of A. N. Radishchev's *Journey from St. Petersburg to Moscow*. We believe that Radishchev hoped to find his place in the public sphere organized by Catherine II and to do so, he had to demonstrate his mastery of the cultural and political languages of the era. To achieve this, Radishchev constructed his text as a kind of “encyclopedia” of motifs of contemporary Russian literature of the 18th century, in which references to periodicals of the 1760s–1780s, and especially to *Vsyakaya Vsyachina* and *Truten*, took almost the first place. The article shows that Radishchev did not strive for the integrity of his work, constantly “blurring” the unity of the text, building a complex system of “storytellers.” Radishchev could have conceived of “Journey” as a kind of “journal” dedicated to modern Russia. It was precisely such an innovative, uncompromising, and even “daring” text that, according to the author, was supposed to attract the attention of the authorities and ensure him a worthy place on Parnassus. The article also analyzes the reasons for the catastrophe that befell the author.

Keywords: Catherine II, A. N. Radishchev, *Journey from St. Petersburg to Moscow*, motifs, artistic unity, narrator.

Information about the author: Aleksander D. Ivinskiy, PhD in Philology, Senior Researcher, A. M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences, Povarskaya St., 25A, bld. 1, 121069 Moscow, Russia.

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-9007-3996>

E-mail: ivinskiy@gmail.com

Received: February 11, 2025

Approved after reviewing: March 17, 2025

Published: June 25, 2025

For citation: Ivinskiy, A. D. “Catherine II and A. N. Radishchev: On the Journal Contexts of *Journey from St. Petersburg to Moscow*.” *Dva veka russkoi klassiki*, vol. 7, no. 2, 2025, pp. 18–37. (In Russ.) <https://doi.org/10.22455/2686-7494-2025-7-2-18-37>

“Il ne faut pas qu’un honnête homme mérite d’être pendu” — эти слова А. С. Пушкин, как хорошо известно, приписал Н. М. Карамзину и вынес в эпиграф своей статьи «Александр Радищев» [Пушкин: 210]. Мы не планируем в данной статье обсуждать вопрос о том, действительно ли Карамзин произносил их или Пушкин мистифицировал своих читателей, нам важно другое: еще в 1830-е гг. Радищева могли воспринимать как *honnête homme*, как *честного человека*, как человека, погруженного в мир *придворных* смыслов. Показательно, как Пушкин построил свой текст: в первом же его предложении упоминается Екатерина II, которая организовала поездку Радищева и других молодых людей в Лейпциг. Второе предложение могло ввести читателя в заблуждение: «Учение пошло им не впрок» [Пушкин: 210]. Могло показаться, что затея закончилась неудачей, однако далее в том же первом абзаце Пушкин отметил, что из группы молодых людей выдвинулись *только* двое — «один на чреде заметной обнаружил совершенное бессилие и несчастную посредственность» [Пушкин: 210], имеется в виду О. П. Козодавлев, член Российской академии, литератор, который помогал императрице редактировать «Собеседник любителей русского слова», а при Александре I дослужился до министра внутренних дел Российской империи, а второй, как нетрудно догадаться, — автор «Путешествия из Петербурга в Москву», который «прославился совсем иначе», но ведь прославился, тем не менее. Таким образом, если вынести за скобки оценочные суждения, Пушкин в самом начале своей статьи задал интерпретационную рамку: Радищев — это *honnête homme*, представитель того круга, которому, по мысли Екатерины II, предстояло сыграть важнейшую роль в управлении Империей. Главный вопрос: почему этого не произошло?

Нам представляется ошибочной попытка «осовременить» Радищева, увидеть в нем «просветителя» и «борца» с режимом, «интели-

гента», бросившего вызов власти¹. Кажется, Радищев не был ни тем, ни другим: напротив, он вполне успешно делал карьеру, в 1790 г. стал директором петербургской таможни. Крупный чиновник, занимавшийся литературой, не был редкостью в конце XVIII в., однако немногие решились бы на публикацию крайне противоречивого сочинения. По-видимому, прав был Пушкин, и Радищев просто не ожидал гнева Екатерины², напротив, он мог рассчитывать на то, что не раз происходило в прошлом: императрица могла оценить дерзкое сочинение неизвестного автора и продвинуть по неофициальной придворной лестнице, возможно, поэтому один из экземпляров «Путешествия» был отправлен Г. Р. Державину, который всего несколько лет назад вознесся на Парнас благодаря своей «Фелице», кстати, не без помощи Козодавлева. Именно Державин мог стать для Радищева своеобразной ролевой моделью: молодой поэт также рискнул всем, напечатав панегирик императрицы, облеченный в форму сатирической насмешки над ее сановниками. Кажется, именно в этом контексте должна быть прочитана глава «Едрово». Императрица отметила не только «вылазки на дворян» [Замечания: 73] вообще, но и намеки на «гисторию Александра Васильевича Салтыкова» [Замечания: 73], в частности. Но то, что Екатерина II понравилось в «Фелице», раздражило в «Путешествии». Резкость Радищева могла объясняться желанием выдвинуться на первый план: писатель опубликовал бескомпромиссный текст, понимая, что он может стоить ему головы, но при определенной удаче мог и возвысить его. Кажется, он правильно понял основные принципы той литературной игры, которую установила императрица: карьеру действительно можно было сделать, но можно было и проиграть.

Екатерина II сконструировала в России крайне сложно устроенную публичную сферу³, и история русской литературы последней

¹ О революционно-демократическом и советском мифе о Радищеве см., например: [Берков: 93–228; Костин: 65–116].

² «Но, может быть, сам Радищев не понял всей важности своих безумных заблуждений. Как иначе объяснить его беспечность и странную мысль разослать свою книгу ко всем знакомым, между прочими к Державину, которого поставил он в затруднительное положение?» [Пушкин: 213].

³ Об этом понятии см.: [Хабермас]. После перевода известной книги Ю. Хабермаса концепция публичной сферы оказалась крайне востребованной в российских гуманитарных исследованиях. Ее черты были до-

трети XVIII в. может быть описана как серия успешных, а гораздо чаще неудачных индивидуальных авторских стратегий по достижению положения при дворе. Причем императрица мастерски манипулировала амбициозными сочинителями, приближая одних и отталкивая других (вспомним, например, многочисленные насмешки над Сумароковым или Тредиаковским, притом что их труды активно использовались и по-своему переосмыслились Екатериной, с одной стороны, и пусть краткий, но яркий успех В. П. Петрова). Ключевую роль в утверждении новых принципов сыграла журналистика 1760–1780 гг. «Всякая всячина» (1769–1770), а позднее и «Собеседник любителей русского слова» (1783–1784) создали новое литературное поле. Образцовые издания задавали идеологическую и эстетическую рамки, формировали систему политических сигналов, которые должны были расшифровать как другие писатели, так и читатели при дворе. Эту модель по-своему учитывали и воспроизводили все современные периодические издания в диапазоне от «И то и се» М.Д. Чулкова

вольно быстро обнаружены в разных периодах истории русской культуры и общества. При этом XVIII в., на первый взгляд внезапно, выпал из поля зрения ученых: так, показательно, что в специальном коллективном труде, посвященном анализу идей немецкого философа, столетие Петра и Екатерины просто отсутствует [Несовершенная публичная сфера]. Мы не знаем, почему составители сборника приняли такое решение; тем не менее, кажется, что русский XVIII в. действительно не очень удачно вписывается в теорию Хабермаса (ср.: [Акельев]). Кроме того, к теории Хабермаса также немало вопросов. Уже в 1970 гг. прозвучали скептические голоса, предлагавшие скорректировать некоторые положения философа (так, напр. Т. Нипперди подчеркивал роль государства в развитии публичной сферы ([Nipperdey: 181–182]), а в 1990–2000 гг. они заявили о себе крайне настойчиво, при всем внешнем почтении к классику (см., например, ценную работу Т. Блэннинга, который крайне иронично высказался о причинах популярности Хабермаса в США ([Blanning: 6]). Кроме того, см. полезный обзор исследовательской литературы: [Атнашев, Велижев, Вайзер: 10–44]. Отмечались и крайне специфический принцип отбора материала, и упрощение реальности, подгонявшей под политизированную научную схему (о претензиях Хабермаса на роль «Маркса XX в.» см.: [Giddens: 121–140]. Тем не менее, отдавая себе отчет в «несовершенстве» «публичной сферы», мы склонны считать, что эта концепция — при условии обсуждения ее ограничений — может быть до некоторой степени полезна, так как позволяет выйти за пределы привычных схем и анализировать более широкие историко-литературные контексты.

до «Трутня» и «Живописца» Н.И. Новикова (об этом подробнее см.: [Ивинский: 8–126]). Сконструированное Екатериной II пространство литературной жизни представляло собой сложную сеть неформальных связей между высшей властью и элитой, где поэтам отводилась роль своего рода «посредников», «группы поддержки» политического и культурного проекта императрицы, в союзе с ней разрабатывающей новый культурный язык, необходимый для его реализации. Этими «модераторами» были крупнейшие авторы эпохи: М. В. Ломоносов, В. К. Тредиаковский, А. П. Сумароков, Н. И. Новиков, В. П. Петров, Д. И. Фонвизин, Г. Р. Державин, Е. Р. Дашкова, М. Н. Муравьев, Н. М. Карамзин. Как нам представляется, Радищев надеялся сыграть похожую роль, занять свое место на Парнасе, чтобы определять вкусы и участвовать в формировании литературной политики двора, но опоздал со своим главным произведением, и то, что было актуально и востребовано еще совсем недавно, парадоксальным образом привело его к катастрофе. «Путешествие», которое в 1760–1780 гг. практически не выделялось бы на общем литературном фоне эпохи, в новом политическом контексте стало «крамольным» и «революционным»¹.

Действительно, многие сюжеты, описанные в «Путешествии», могли показаться современному читателю подозрительно знакомыми. Большинство из них он уже встречал в периодике своего времени. Более того, Радищев мог использовать журнал как жанровую модель для своего текста²: это объяснило бы отсутствие в нем «всякой связи и порядка» [Пушкин: 379], его «внутреннюю хаотичность» [Гуковский 1936: 185] и «тематическую пестроту» [Клейн 2010: 334]; ср.: [Западов: 601]. Мы можем предположить, что Радищев и не стремился к цельности: калейдоскопическое разнообразие форм, сюжетов, тем должно было создать впечатление полноты, «энциклопедичности»

¹ Еще А. Д. Галахов [Галахов: 533–535] и В. Я. Стоюнин [Стоюнин: 231–233] справедливо писали о зависимости Радищева от екатерининской культурной политики, однако их опыты оказались маргинализированы в угоду идеологической конъюнктуре. См. также ценные работы: [McConnell]; [Waegemans]; [Клейн, 2006]; [Живов].

² Это не означает, что мы полагаем журнал *единственной* моделью, разумеется, значительную роль сыграли травелоги: Радищев, как известно, писал о влиянии на него Стерна ([Бабкин: 189]).

описанной картины современной России¹. Радищев «размывал» единство текста, выстраивая сложную систему «рассказчиков»: так, например, авторами «проекта в будущем» или очерка истории цензуры оказались формально другие люди, их высказывания автор *лишь* опубликовал. Этой же цели служили включенные в произведения письма и диалоги с персонажами, которые иногда заглушали авторский голос. Появление в тексте выдержек из летописи и литературно-критических статей стирали границу между художественной литературой и публицистикой, а многочисленные стихотворные вставки — между стихом и прозой. Именно журнал позволял естественно и логично соединить под одной обложкой столь различные формы, особенно в эпоху, когда роман находился в стадии становления.

В результате возникал синтетический текст, не сводимый к какой-то одной жанровой традиции, при этом Радищев даже не пытался завуалировать те приемы, которые он использовал, напротив, читатель легко опознавал практически весь арсенал сюжетов и образов современной ему литературной журналистики — от бытовых сатирических зарисовок и «портретов», восходящих, разумеется, ко «Всякой всячине» и «Трутню», и полубеллетристических описаний бедственного положения крестьян, идеологически связанных с трудами, например, Я. П. Козельского или И. Г. Рахманинова, возникших в атмосфере дискуссий вокруг Уложенной комиссии и подробно описанных еще историками XIX в. и предельно заостренных позднее Г. А. Гуковским [Гуковский 1938: 61], до философских рассуждений о природе власти, исторических экскурсов (о Новгороде или происхождении цензуры) и критических статей о признанных классиках.

Отметим также хрестоматийный исследовательский сюжет об «Отрывке путешествия в ***И***Т***» [Радищев 1941: 345–351]². Мы не хотели бы здесь обсуждать гипотетическое авторство Радищева, важно, что сама постановка вопроса о возможности появления «протопутешествия» в периодике со всей очевидностью говорит о том, что поэти-

¹ О связи поэтики журнала 1760–1770 гг. с «Энциклопедией» см.: [Ивинский: 8–32].

² О нем см., напр.: [Семенников]; [Барсков: 117, 500–502]; [Западов: 495–496].

ка «Путешествия» не может быть проанализирована в полной мере без привлечения журнального контекста.

Рамки небольшой статьи вынуждают нас ограничиться несколькими наиболее показательными, с нашей точки зрения, примерами.

Открывается «Путешествие» «письмом к приятелю» [Радищев 1938: 227] — излюбленный прием издателей периодических изданий, чаще всего адресаты эти были вымышленными, такие письма должны были имитировать форму свободного разговора, диалога автора и читателя, создавать иллюзию общности взглядов и интересов¹.

Во второй главе, которая называется «София», — отметим это указание, отсылающее как к топографии, так и, менее очевидным образом, к масонскому контексту и к имени императрицы — возникает важнейший для всей русской литературы XVIII в., но особенно для оды, мотив «прежде — ныне»: «Он в торопях вскочил, и не продрав еще глаз спрашивал кто приехал не... но опомнившись увидя меня, сказал мне, видно молодец ты обык так обходится с прежними ямщиками. Их бивали палками; но ныне не прежняя пора» [Радищев 1938: 229]. Радищев не без скрытой иронии продемонстрировал свободное владение идеологическим языком эпохи.

В следующей главе «Тосна» найдем не менее распространенный в журналистике мотив — обличение гордыни, в ней автор, как и Екатерина II во «Всякой всячине» или Новиков в «Трутне», показывает, что кичиться своим родословием смешно: «В Москве завернулся я в компанию молодых господчиков и предложил им мой труд, дабы благосклонностию их возвратить хотя истраченную бумагу и чернилы; но вместо благоприящества попал в посмеяние, и с горя оставив столичный сей град, вдаль пути до Питера, где, известно, гораздо больше просвещения. Сказав сие поклонился мне об руку и вытянувшись прямо, стоял передо мною с величайшим благоговением. Я понял его мысль, вынул из кошелька и дав ему советовал, что приехав в Петербург, он продал бы бумагу свою на вес разнощикам для обертки; ибо мнимое Маркизство скружить может многим голову,

¹ Ср., напр.: [Всякая всячина: 14–16, 25–27, 29–31, 35–36, 37–40, 43–46, 52–55, 57–63, 75–79]; [Трутень: 9, 12–16, 18–27, 33–36, 49–51, 57–59, 113–120] и мн. др.

и он причиною будет возрождению изстребленнаго в России зла, хвастовства древния породы» [Радищев 1938: 231–232]¹.

Глава «Спасская полость» — «сон», в котором в аллегорической форме утверждаются важнейшие принципы справедливого, с точки зрения автора, правления, обличается жесткость². Важнейшая его тема — «слепота» монарха, который «не видит» те несправедливости, которые царят вокруг, в том числе страдания крестьян³. Задача же «Путешествия», очевидно, раскрыть глаза властей, «объяснить», как важна «истина» [Радищев 1938: 252]. Совершенно очевидно, что Радищев здесь отсылал к масонской образности, возможно, он учитывал многочисленные подобные сны в журналах 1760–1780 гг., а также мистические романы М.М. Хераскова. Кроме того, мотив слепоты отсылает к «Велизарию» Мармонтеля и к его переводу, в котором участвовала Екатерина II. Таким образом, сатира оборачивается, как это практически всегда и бывало в классической литературе, начиная, по крайней мере, с Горация, формой панегирика: задача писателя — раскрыть глаза монарху, который сможет исправить недостатки своих вельмож и подданных.

В «Подберезье» Радищев обыграл, во-первых, форму сатирических рецептов⁴, а во-вторых, иронизировал над пренебрежительным отношением к «простым» людям — общее место так называемой сатирической журналистик⁵: «Приветливый вид, взгляд неробкой, вежливая осанка, казалось не к state были к длинному полукафтанию, и к примазанному квасом воло сам. Извини меня читатель в моем заключении, я родился и вырос в столице, и если кто некудряв и ненапудрен, того я ни вочто нечту. Если и ты деревенщина и волос не пудришь, то не осуди буде я на тебя не взгляну и пройду мимо» [Радищев 1938: 258].

«Новгород» — пространное рассуждение о древнерусской истории, о «праве народов» и жестокости властей [Радищев 1938: 262–267]

¹ Ср.: [Всякая всячина: 150, 406–408]; [Трутень: 5–6, 31, 117–118, 182, 228] и др.

² Ср., напр.: [Трутень: 73–80].

³ О мучениях крестьян много писали периодические издания; см., напр.: [Всякая всячина: 34].

⁴ Ср.: [Трутень: 177–192].

⁵ См., напр.: [Всякая всячина: 220–222]; [Трутень: 178–179].

(подробнее об этом ниже); отметим, что история стала неотъемлемой частью литературных журналов во многом благодаря Екатерине II и Новикову.

«Бронницы» были посвящены традиционной как для церковной, так и для масонской литературы теме *vanitas*, тщете сущего, быстротечности жизни, завершалась она строками из «Смерти Катоновой, трагедии Эддесоновой» [Радищев 1938: 268–269].

Глава «Зайцово» — практически самостоятельное произведение, которое выделяется как своим объемом, особенно на фоне предыдущих частей, так и тематической цельностью [Радищев 1938: 269–282]. Перед нами сатирическая повесть, посвященная темам несправедливости, глупости, жестокости: в то время как честные люди прозябают, недалекие и пустые мерзавцы добиваются успеха, правда, и он оказывается весьма относительным, потому что грубость и злость порождают насилие. При этом в этой главе найдем и письмо «от моего приятеля» и имитацию живого диалога, посвященные «странному браку» [Радищев 1938: 280–282]¹. Все эти сюжеты, хоть и заострены до предела, хорошо были известны читателям, по крайней мере, с конца 1760-х гг., особенно по сочинениям Новикова.

Особенного внимания заслуживает глава «Валдай»: если ее воспринимать буквально, то перед нами очередная обличающая зарисовка, но, кажется, такое прочтение будет поспешным или даже ошибочным. Эта часть наполнена авторской иронией, по сути, перед нами своеобразный бурлеск, комическая поэма, написанная прозой. Радищев высоким штилем, с использованием риторических фигур («Кто не бывал в Валдаях, кто не знает Валдайских баранок и Валдайских разбурьяненных девок?» [Радищев 1938: 300]), церковнославянизмов и образов античной мифологии описал жовиальных персонажей, посещение бань и попов, бегавших к любовницам — классический сюжет западной литературы. Не случайно в конце главы автор использовал слово «поэма», прямо намекая на смысл стилистической игры. Еще раз подобное найдем в главе «Завидово»: встреча с вельможей воскрешает в памяти автора античные образы [Радищев 1938: 371]. Опять русская действительность остранилась и проецировалась на античную образность.

¹ Ср.: [Всякая всячина: 429–432]; [Трутень: 233–235, 275, 283].

«Медное» — пародия на статьи Московских или Санкт-Петербургских ведомостей, отсылающая к сатирическим ведомостям Новикова [Радищев 1938: 349–352]¹.

В «Твери» находим яркую литературно-критическую статью, в которой, вопреки устоявшимся репутациям, Радищев выдвинул на первый план Тредиаковского и показал ограниченность системы Ломоносова и Сумарокова [Радищев 1938: 352–362]. Обращение к автору «Тилемахиды» также нельзя признать случайным. Несмотря на все насмешки², Екатерина хорошо знала сочинения Тредиаковского и активно использовала их как в своих научных, так и литературных трудах³. Таким образом, предпочитая Тредиаковского другим общепризнанным «классикам», Радищев мог демонстрировать не только личный вкус и независимость суждений, но и погруженность в сложные придворные культурные сюжеты.

Эти примеры со всей очевидностью говорят о глубокой внутренней связи «Путешествия» с русской периодикой 1760–1770 гг. При этом мы хотели бы отметить, что литературная стратегия Радищева не предполагала полного растворения в екатерининском культурном проекте, его амбиции были достаточно сильны, чтобы рассуждать об отмене крепостного права или американской модели федеративной республики⁴, но все эти *различия*, с нашей точки зрения, не отменяют того принципиального *сходства* литературных программ писателя и власти. По-видимому, Радищев хотел продемонстрировать свое владение культурным языком эпохи, показать двору, что он может претендовать на самые высокие позиции в литературной иерархии.

Ключевой момент в биографии Радищева — это реакция на «Путешествие» Екатерины II, главного, с нашей точки зрения, адресата и читателя книги. Еще О. М. Бодянский напечатал известные заочные «замечания», «вопросы» и «ответы» Екатерины Радищеву [Замечания; Вопросные пункты; Ответы]. Кажется очевидным, что императрица выбрала ту же стратегию, что ранее с Фонвизиним, когда в своем «Собеседнике» опубликовала ответы на его «Вопросы» [Ивинский]; таким образом, опять

¹ См., напр.: [Трутьев: 28–31, 41–48, 65–70, 121–128] и др.

² См., напр.: [Всякая всячина: 30–31].

³ Об этом см. подробнее: [Ивинский: 55–66].

⁴ См., напр.: [Зорин].

«Путешествие» попало в тот же журнальный контекст, о котором мы говорили выше. При этом анализ ее «ответов» позволит приблизиться к реконструкции замысла Радищева: Екатерина, внимательный и опытный интерпретатор чужих текстов и автор сложных идеологических концепций, быстро улавливала политические подтексты.

Остановимся на оценке Екатерины II автора «Путешествия», тогда ей еще неизвестного. Едва ли не сразу она заподозрила его в «мартинизме»: «Не был ли приглашен в общество мартинистов?» [Замечания: 78]. Напомним ее антимасонские пьесы «Обманщик» и «Шаман Сибирский», в которых обличались их суеверие и глупость. Далее еще одно, хорошо известное читателям екатерининских произведений обвинение — в «меланхолии»: «Он же едва ли не мартинист <...> Сложение унылого и все видит в темно-черном виде, следовательно, черно-желтого вида» [Замечания: 67]; похожую претензию найдем еще не раз в «ответах императрицы». Екатерина II доказывает, что сочинитель имеет воображения довольно и любит распространить «гипохондрические и унылые мысли» [Замечания: 73]. В «меланхолии», «гипохондрии», «мрачных мыслях» обвиняла Екатерина и Новикова в ходе полемики «Всякой всячины» с «Трутнем», которая, с нашей точки зрения, ошибочно была сведена к «спору о характере сатиры», напротив же, речь шла о недопустимости «несветского поведения» русского «честного человека» в новой культурной реальности 1760–1779 гг. [Ивинский: 113–126]. Итак, и этот сюжет отсылает нас к баталиям рубежа 1760–1770 гг. Кроме того, оказывается, что автор «Путешествия», как и ранее издатель «Трутня», «злой», «неблагодарный человек», чуждый «милосердия»: «Птенцы учат матку. Злость в злобном, во мне ее нет» [Замечания: 67]; см. также: «На той же странице опорочивается действие милосердия» [Замечания: 67]. Не менее важная для Екатерины мысль: «81 стр. покрыта бранью и ругательством и злостным толкованием» [Замечания: 67], а также: «Сочинитель ко злости склонен» [Замечания: 68]; помимо этого отметим обвинения в «неблагодарном сердце» [Замечания: 68]. Таким образом, как и в случае с Новиковым, императрица противопоставила себя наивному, но желчному, «злому» писателю, который «бранился», но, по сути, не понимал, о чем писал. Обвинения в «неблагодарности»¹, кстати, связывались именно с лейп-

¹ Ср.: [Всякая всячина: 6–8].

цигской поездкой, о которой позднее писал Пушкин [Замечания: 69]. «Неблагодарность», «брань», «злость» оказались тесно переплетены с «мартинизмом»: «92, 93, 94, 95, 96, 97 страница исповедует Мартинистов учение и прочих теозофов» [Замечания: 69].

Радищев своей книгой нарушил неписанные правила светского поведения: его критика обернулась непристойной «бранью», которая не приближала к истине, а наоборот, внушала «вредные» мысли. При этом, по крайней мере, вначале Екатерина не планировала сурово наказывать литератора: напротив, «злости» обличителя противопоставлялась «милость» императрицы [Замечания: 76]. Как и в случае с Новиковым и Фонвизиним, Екатерина хотела вовлечь Радищева в свою игру.

Екатерина II видела в нем человека, которого «амбициозность» и «нереализованность» привели к конфликту с властью: «Довольно доказывают намерение, для чего вся книга написана, подвиг же сочинителя, об заклад биться можно, по которому он ее написал, есть тот, для чего вход не имеет в чертоги, можно быть, что имел когда ни на есть, а ныне не имея, быв с дурным и, следовательно, с неблагодарным сердцем, подвизается пером» [Замечания: 68]¹. Разумеется, мы не обязаны принимать точку зрения императрицы, но обратим внимание на то, что она прямо описала механизм взаимодействия власти и литературы: если удачно «подвизаться пером», то можно «войти в чертоги». Мы полагаем, что Радищев не мог об этом не думать, не мог не стремиться к этому. Что же ему помешало, что по-настоящему не понравилось Екатерине?

Один из главных идеологических просчетов Радищева — даже не инвективы против помещиков, а страницы, посвященные русской истории. Екатерина, автор «Записок касательно российской истории», вокруг своей интерпретации прошлого страны сконструирова-

¹ См. также: «Стр. 174, 175 довольно глупомысленны суть; 176, 177 суть продолжение наставление детей, так как 178, 179, 180. На сей странице становятся необузданны, так как и вся книга, и едва умоначертание сочинителя не такова ли; вероятно, кажется, что родился с необузданной амбиции, и готовясь к вышним степеням, да ныне еще не дошед, желчь нетерпение разлилось повсюду на все установленное и произвело собою умствование, взятое однако из разных полумудрецов сего века, как то Руссо, Абберейнала и тому гипохондрику подобные, касательно же метафизики Мартинист» [Замечания: 72].

ла большую идеологическую и политическую программы [Ивинский: 225–252], поэтому к этим сюжетам она была крайне чувствительна. Не мог не привлечь ее внимания «новгородский сюжет», Радищев обрушился с резкой критикой на Ивана Грозного, осудил его за разрушение вольного города, приводил выписки из летописей¹ — все это крайне раздражило императрицу: «99, 100, 101. Говоря о Новгороде, о вольном его правлении и о суровости Царя Иоанна Васильевича, не говорить о причине сей казни, а причина была, что Новгород, приняв Унию, предался Польской Республики, следовательно, Царь казнил отступников и изменников, чем по истине сказать меру не нашел. 102. Сочинитель вопрошает: но какое он имел право свирепствовать против них; какое он имел право присвоить Новгород? Ответ: древность, владение и закон Новгородской и вся Россия и всего света, который наказывал бунтовщиков и Церкви отступников. Но сей вопрос тут делается, дабы отвергать власть, и оставлен без ответа» [Замечания: 69]. См. также: «На 103. Учинены вопросы те, по которым теперь Франция разаряется» [Замечания: 69]. Сатирическому пафосу она противопоставила идею закона, таким образом переворачивая всю конструкцию Радищева: именно он оказывался жестоким «фанатиком», зараженным «французским ядом», императрица же — сторонник подлинных республиканских ценностей: «На 137 изливается яд Французской и продолжается на 138 и 139. Но все сие рассуждение легко опровергнуть можно единым простым вопросом: ежели кто учинить зло, дает ли право другому и творить наивящее зло? Ответ: конечно, нет. Закон дозволяет в оборону от смертного удара ударить, но доказание при том требует, что никак не можно было избегнуть смерть. И стало вся толкование сочинителя нелепое, незаконное, но суетное умствование» [Замечания: 70–71]². «Умствование» же это почерпнуто якобы из книг, далеких от светской науки жить, Радищев, как ранее и Новиков в трактовке Екатерины, продемонстрировал свои невежество и педантизм начетчика: «На 125 стр. паки упоминается низкого состояния, из чего заключается, что господин сочинитель не весьма тверд в своих правил; но противу двора и придворных ищет изливать свою злобу; злословия сия он выудил из книг отчасти, на которых придворные никогда не ответ-

¹ См. главу «Новгород», особенно: [Радищев: 262, 263, 264].

² О республиканизме Екатерины II см.: [Гриффитс: 63–101].

ствовали, а доводы довольно, однако же, сыскать можно уменьшающие порицание» [Замечания: 70].

При этом отметим, что попытка зайти на поле истории — очевидный шаг для любого писателя екатерининской эпохи, который претендовал на какое-то положение в свете. Напомним хотя бы М. Н. Муравьева, который составил конспект русской истории на основе екатерининских трудов и не только долгие годы оставался воспитателем наследника престола, но и в итоге вошел в высшую бюрократию империи¹.

Еще один сюжет, который мог раздражить императрицу, находим в главе «Крестыцы», в ней автор делится своими «правилами общежития». Екатерина II свою журналистику создавала, в частности, для того, чтобы сконструировать образ нового русского аристократа и в легкой и доступной форме объяснить своим читателям правила поведения в свете. Претензий Радищева она не приняла: «182. Начинаются правила общежития. Сочинитель говорит: спросите ваше сердце; оно есть благо... что вещает оно, то и творите; а рассудку следовать не велит. Сие предположение не весьма верно быть может. <...> На стр. 186. Пример Курции и преподаются некоторые исполнительные правила жизни. Сим доказывают, что сочинитель эгоист сущей и более собою занять, нежели иным чем» [Замечания: 72]. Эти «правила» оказались далеки от того идеала светской жизни, к которому апеллировала императрица. Радищев то ли не понял, то ли проигнорировал значимость этого сюжета.

И далее Екатерина II кратко прокомментировала чуть ли не каждый сюжет радищевской книги. Зачем ей эти пометки, построенные подчас на мелких придирках? Они производят впечатление конспекта будущего сочинения. Нам представляется, что императрица, читая сочинение Радищева, могла вспомнить еще один «травелог» — «Путешествие в Сибирь» аббата Шаппа д'Отероша. Вероятно, она увидела в Радищеве обозлившегося «клеветника», который готов использовать любой повод для критики власти. Если это так, то екатерининский «конспект» мог превратиться в новый «Антидот». Как известно, этого не произошло: политической полемике с Радищевым императрица предпочла его судебное преследование и сибирскую ссылку.

¹ Об этом подробнее: [Ивинский: 240–246].

Список литературы

Источники

Замечания на сочинение его Государыни императрицы Екатерины II // Чтения в императорском обществе истории и древностей российских при Московском университете. Повременное издание. М.: В Унив. тип., 1865. Кн. 3. С. 67–77.

Вопросные пункты коллежскому советнику и кавалеру Радищеву // Чтения в императорском обществе истории и древностей российских при Московском университете. Повременное издание. М.: В Унив. тип., 1865. Кн. 3. С. 77–81.

Ответы на вопросные пункты Радищеву // Чтения в императорском обществе истории и древностей российских при Московском университете. Повременное издание. М.: В Унив. тип., 1865. Кн. 3. С. 82–89.

Пушкин А. С. Собр. соч. в 10 т. Т. 6. Критика и публицистика. М.: Худож. лит., 1962. 583 с.

Радищев А. Н. Полн. собр. соч. М.; Л.: АН СССР, 1938. Т. 1. 506 с.

Радищев А. Н. Полн. собр. соч. М.; Л.: АН СССР, 1941. Т. 2. 432 с.

Исследования

Акельев Е. Режимы публичности и верховная власть в Московском царстве и Российской империи // *Cahiers du Monde russe*. 2021. Vol. 62, no. 4. P. 785–814. <https://doi.org/10.4000/monderusse.13015>

Атнашев Т., Велижев М., Вайзер Т. Двести лет опыта: от буржуазной публичной сферы к российским режимам публичности // *Несовершенная публичная сфера. История режимов публичности в России*. М.: НЛО, 2021. С. 10–44.

Бабкин Д. С. Процесс А.Н. Радищева. М.; Л.: АН СССР, 1952. 360 с.

Барсков Я. Л. А. Н. Радищев. Жизнь и личность // «Путешествие из Петербурга в Москву» А. Н. Радищева. М.: Academia, 1935. Т. 2: Материалы к изучению «Путешествия из Петербурга в Москву» А. Н. Радищева.

Берков П. Н. Введение в изучение истории русской литературы XVIII века. Л.: ЛГУ, 1964. Ч. 1: Очерк литературной историографии XVIII века. 266 с.

Галахов А. История русской словесности, древней и новой. СПб.: В тип. главного управления военно-учебных заведений, 1863. Т. 1: История древней словесности. История новой до Карамзина. 599 с.

Гриффитс Д. Императрица-республиканка // *Гриффитс Д. Екатерина II и ее мир: статьи разных лет*. М.: НЛО, 2013. С. 63–101.

Гуковский Г. А. Радищев как писатель // *Радищев А. Н. Материалы и исследования*. М.; Л.: АН СССР, 1936. С. 141–192.

Гуковский Г. А. Очерки по истории русской литературы и общественной мысли XVIII века. Л.: ГИХЛ, 1938. 315 с.

Живов В. Апокалипсис свободы. Заметки об оде «Вольность» А. Н. Радищева // *Venok: Studia slavica Stefano Garzonio sexagenario oblata*. Stanford: Stanford University, 2012. P. 75–87.

Западов В. А. История создания «Путешествия из Петербурга в Москву» и «Вольности» // *Радищев А. Н. «Путешествие из Петербурга в Москву»*. «Вольность». СПб.: Наука, 1992. С. 475–623.

Зорин А. Л. Интеллектуальные приключения русского антифедералиста: Радищев, Кондорсе и американская конституция // *Quaestio Rossica*. 2021. Т. 9. № 2. С. 679–701. DOI: 10.15826/qr.2021.2.603

Ивинский А. Д. Русская литература XVIII века и культурный проект Екатерины II. М.: Водолей, 2023. 400 с.

Клейн И. «Птенцы учат матку»: принцип критического разума в «Путешествии из Петербурга в Москву» А. Н. Радищева // *Вереница литер.* К 60-летию В. М. Живова. М.: Языки славянской культуры, 2006. С. 403–412.

Клейн И. Русская литература в XVIII веке. М.: Индрик, 2010. 440 с.

Костин А. А. Писатели, которых не было? «Предшественники» Радищева и конструирование историко-литературного канона // *Чтения отдела русской литературы XVIII века*. М.; СПб.: Альянс-Архео, 2018. Вып. 8: Русская литература XVIII столетия в науке XX века. Неолатинская гуманистическая традиция и русская литература конца XVII – начала XIX века. С. 65–116.

Несовершенная публичная сфера. История режимов публичности в России. М.: НЛО, 2021. 744 с.

Семенников В. П. Когда Радищев выдумал «Путешествие»? («Отрывок путешествия в *** И *** Т ***» 1772 г. и «Путешествие из Петербурга в Москву» 1790 г.). М.: Изд. Л. Э. Бухгейм, 1916. 46 с.

Стоюнин В. О преподавании русской литературы. СПб.: В Тип. и лит. Паульсона и К°, 1864. 393 с.

Хабермас Ю. Структурное изменение публичной сферы. Исследования относительно категории буржуазного общества. М.: Весь мир, 2016. 344 с.

Blanning T.C.W. *The Culture of Power and the Power of Culture. Old Regime Europe 1660–1789*. Oxford: Oxford University Press, 2002. 479 p.

Giddens A. Jürgen Habermas // *The Return of Grand Theory in the Human Sciences*. Cambridge: Cambridge University Press, 1990. P. 121–140.

McConnell A. The Empress and Her Protégé: Catherine II and Radishchev. *The Journal of Modern History*. 1964. Vol. 36, no. 1. P. 14–27.

Nipperdey T. *Gesellschaft, Kultur, Theorie. Gesammelte Aufsätze zur neueren Geschichte*. Göttingen: Vandenhoeck & Ruprecht, 1976. 466 p.

Waegemans E. The Empress Catherine II and her Critic Radischchev: A Failed Dialogue? // *Russia and the West: Missed Opportunities, Unfulfilled Dialogues*. Brussels: Contactforum, 2005. P. 55–65.

References

- Akel'ev, E. "Rezhimy publichnosti i verkhovnaia vlast' v Moskovskom tsarstve i Rossiiskoi imperii" ["Publicity Regimes and Supreme Authority in the Tsardom of Moscow and the Russian Empire"]. *Cahiers du Monde russe*, vol. 62, no. 4, 2021, pp. 785–814. <https://doi.org/10.4000/monderusse.13015> (In Russ.)
- Atnashev, T., M. Velizhev, and T. Vaizer. "Dvesti let opyta: ot burzhuaiznoi publichnoi sfery k rossiiskim rezhimam publichnosti" ["Two Hundred Years of Experience: From the Bourgeois Public Sphere to Russian Publicity Regimes"]. *Nesovershennaia publichnaia sfera. Istoriia rezhimov publichnosti v Rossii* [The Imperfect Public Sphere. History of Publicity Regimes in Russia]. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie Publ., 2021, pp. 10–44. (In Russ.)
- Babkin, D. S. *Protsess A. N. Radishcheva* [The Process of A. N. Radishchev]. Moscow, Leningrad, Academy of Sciences of the Soviet Union Publ., 1952. 360 p. (In Russ.)
- Barskov, Ia. L. "A. N. Radishchev. Zhizn' i lichnost'" ["A. N. Radishchev. Life and Personality"]. *Puteshestvie iz Peterburga v Moskvu* A. N. Radishcheva ["Journey from St. Petersburg to Moscow"] by A. N. Radishchev, vol. 2: Materialy k izucheniiu "Puteshestviia iz Peterburga v Moskvu" A. N. Radishcheva [Materials for the Study of "Journey from St. Petersburg to Moscow" by A. N. Radishchev]. Moscow, Academia Publ., 1935. (In Russ.)
- Berkov, P. N. *Vvedenie v izuchenie istorii russkoi literatury XVIII veka* [Introduction to the Study of the History of Russian Literature of the 18th Century], part 1: Ocherk literaturnoi istoriografii XVIII veka [Essay on Literary Historiography of the 18th Century]. Leningrad, Leningrad University Publ., 1964. 266 p. (In Russ.)
- Galakhov, A. *Istoriia russkoi slovesnosti, drevnei i novoi* [History of Russian Literature, Ancient and Modern], vol. 1: Istoriia drevnei slovesnosti. Istoriia novoi do Karamzina [History of Ancient Literature. History of the New Before Karamzin]. St. Petersburg, V tipografii glavnogo upravleniia voenno-uchebnykh zavedenii Publ., 1863. 599 p. (In Russ.)
- Griffits, D. "Imperatritsa-respublikanka" ["The Republican Empress"]. Griffiths, D. *Ekaterina II i ee mir: Stat'i raznykh let* [Catherine II and Her World: Articles from Different Years]. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie Publ., 2013, pp. 63–101. (In Russ.)
- Gukovskii, G. A. "Radishchev kak pisatel'" ["Radishchev as a Writer"]. Radishchev, A. N. *Materialy i issledovaniia* [Materials and Research]. Moscow, Leningrad, Academy of Sciences of the Soviet Union Publ., 1936, pp. 141–192. (In Russ.)
- Gukovskii, G. A. *Ocherki po istorii russkoi literatury i obshchestvennoi mysli XVIII veka* [Essays on the History of Russian Literature and Social Thought of the 18th Century]. Leningrad, Khudozestvennaia literatura Publ., 1938. 315 p. (In Russ.)
- Zhivov, V. "Apokalipsis svobody. Zametki ob ode 'Vol'nost' A. N. Radishcheva" ["Apocalypse of Freedom. Notes on the Ode 'Liberty' by A. N. Radishchev"]. *Venok: Studia slavica Stefano Garzonio sexagenario oblata* [Venok: Studia slavica Stefano Garzonio sexagenario oblata]. Stanford, Stanford University Publ., 2012, pp. 75–87. (In Russ.)
- Zapadov, V. A. "Istoriia sozdaniia 'Puteshestviia iz Peterburga v Moskvu' i 'Vol'nosti.'" ["History of the Creation of 'Journey from St. Petersburg to Moscow' and 'Liberty.'"] Radishchev, A. N. *Puteshestvie iz Peterburga v Moskvu*. "Vol'nost'" ["Journey from

St. Petersburg to Moscow.” *“Liberty”*. St. Petersburg, Nauka Publ., 1992, pp. 475–623 (In Russ.)

Zorin, A. L. “Intellektual’nye priklucheniia russkogo antifederalista: Radishchev, Kondorse i amerikanskaia konstitutsiia” [“The Intellectual Adventures of a Russian Anti-Federalist: Radishchev, Condorcet, and the American Constitution”]. *Quaestio Rossica*, vol. 9, no. 2, 2021, pp. 679–701. DOI: 10.15826/qr.2021.2.603 (In Russ.)

Ivinskii, A. D. *Russkaia literatura XVIII veka i kul’turnyi proekt Ekateriny II* [Russian Literature of the 18th Century and the Cultural Project of Catherine II]. Moscow, Vodolei Publ., 2023. 400 p. (In Russ.)

Klein, I. “‘Ptentsy uchat matku’: printsip kriticheskogo razuma v ‘Puteshestvii iz Peterburga v Moskvu’ A. N. Radishcheva” [“‘The Chicks Teach the Mother’: The Principle of Critical Reason ‘Journey from St. Petersburg to Moscow’ by A. N. Radishchev”]. *Verenitsa liter. K 60-letiiu V. M. Zhivova* [A String of Letters. On the 60th Anniversary of V. M. Zhivov]. Moscow, Iazyki slavianskoi kul’tury Publ., 2006, pp. 403–412. (In Russ.)

Klein, I. *Russkaia literatura v XVIII veke* [Russian Literature in the 18th Century]. Moscow, Indrik Publ., 2010. 440 p. (In Russ.)

Kostin, A. A. “Pisateli, kotorykh ne bylo? ‘Predshestvenniki’ Radishcheva i konstruirovaniie istoriko-literaturnogo kanona” [“Writers Who Were Not? Radishchev’s ‘Predecessors’ and the Construction of the Historical and Literary Canon”]. *Chteniia otdela russkoi literatury XVIII veka* [Readings of the Department of Russian Literature of the 18th Century], issue 8: Russkaia literatura XVIII stoletii v nauke XX veka. Neolatinaskaia gumanisticheskaia traditsiia i russkaia literatura kontsa XVII – nachala XIX veka [Russian Literature of the 18th Century in the Science of the 20th Century. Neo-Latin Humanistic Tradition and Russian Literature of the Late 17th – Early 19th Century]. Moscow, St. Petersburg, Al’ians-Arkheo Publ., 2018, pp. 65–116. (In Russ.)

Nesovershennaia publichnaia sfera. Istoriia rezhimov publichnosti v Rossii [Imperfect Public Sphere. History of Public Regimes in Russia]. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie Publ., 2021. 744 p. (In Russ.)

Semennikov, V. P. *Kogda Radishchev vydumal “Puteshestvie”?* (“Otryvok puteshestviia v *** I *** T ***” 1772 g. i “Puteshestvie iz Peterburga v Moskvu” 1790 g.) [When Did Radishchev Invent “The Journey”? (“Fragment of a Journey to *** I *** T ***” 1772 and “Journey from Petersburg to Moscow” 1790)]. Moscow, L. E. Bukhgeim Publ., 1916. 46 p. (In Russ.)

Stoiunin, V. O *prepodavanii russkoi literatury* [On the Teaching of Russian Literature]. St. Petersburg, V Tipografii i litografii Paul’sona i K^o Publ., 1864. 393 p. (In Russ.)

Khabermas, Iu. *Strukturnoe izmenenie publichnoi sfery. Issledovaniia otnositel’no kategorii burzhuaiznogo obshchestva* [Structural Change in the Public Sphere. Research on the Category of Bourgeois Society]. Moscow, Ves’ mir Publ., 2016. 344 p. (In Russ.)

Blanning, Timothy Charles William. *The Culture of Power and the Power of Culture. Old Regime Europe 1660–1789*. Oxford, Oxford University Press, 2002. 479 p. (In English)

Giddens, Anthony. “Jürgen Habermas.” *The Return of Grand Theory in the Human Sciences*. Cambridge, Cambridge University Press, 1990, pp. 121–140. (In English)

Русская литература XVIII–XIX столетий
А. Д. Ивинский. Екатерина II и А. Н. Радищев:
к вопросу о журнальных контекстах «Путешествия из Петербурга в Москву»

McConnell, Allen. "The Empress and Her Protégé: Catherine II and Radishchev." *The Journal of Modern History*, vol. 36, no. 1, 1964, pp. 14–27. (In English)

Nipperdey, Thomas. *Gesellschaft, Kultur, Theorie. Gesammelte Aufsätze zur neueren Geschichte*. Göttingen, Vandenhoeck & Ruprecht, 1976. 466 S. (In German)

Waegemans, Emmanuel. "The Empress Catherine II and her Critic Radischchev: A Failed Dialogue?" *Russia and the West: Missed Opportunities, Unfulfilled Dialogues*. Brussels, Contactforum, 2005, pp. 55-65. (In English)